

ствует развитию и динамизму данной системы представлений в соответствии с реальностью. Критика всегда привносит свежие идеи и избавляет от чуждого.

Мондиализм в его современном виде выражает интересы победителей в «холодной войне». Очевидно, что наша страна проиграла эту войну. Она ослаблена в ходе «реформ», осуществленных либералами-западниками, которых смело можно назвать мондиалистами, если проанализировать их взгляды с геополитической точки зрения. Весьма относительны также и результаты глобализации для большинства российского населения. Все это говорит о том, что мондиализм, за исключением некоторых моментов, не выгоден большинству из нас.

Ревизионистские теории могут быть использованы как идеологическое оружие против оппонентов. Так, например, для разрушения СССР и социалистического блока использовались ревизионистские теории марксизма. Несмотря на дружественный тон лидеров США и России в адрес друг друга, любой грамотный геополитик вынуж-

ден будет признать, что противостояние между США и Россией все же продолжается, пусть даже и в скрытой форме. США сегодня следуют именно принципам мондиализма. Поэтому важным компонентом в этой скрытой борьбе со стороны слабых стран является использование ревизионистских теорий мондиализма, показывающих несостоятельность данной идеологии. Это не значит, что в условиях, когда страна экономически ослаблена, следует увлекаться анти-американизмом. Это означает лишь то, что нужно знать слабые места мондиализма и использовать это. Как раз слабые стороны этой идеологии и ее реализации и показал Генри Киссинджер.

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? - М.: Ладомир, 2002. С. 77-78

² Там же С. 240

³ Там же С. 71

⁴ Там же С. 74

⁵ Там же С. 157-158

⁶ Там же С. 215-216

⁷ Там же С. 325

ПРАВО НАЦИИ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

С.А.Афанасьев

Афанасьев
Сергей
Анатольевич —
магистрант
факультета
политологии
и социологии
Уральского
государственного
университета

В наше время существует множество наций, не имеющих собственного государства в силу различных исторических причин и особенностей стран, на территориях которых они проживают. В связи с чем возникает вопрос представительства этих наций в мировом сообществе и создания ими собственных государств.

Согласно международному пакту о гражданских и политических правах, принятому на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года: все народы имеют право на самоопределение и в силу этого они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое

экономическое, социальное и культурное развитие. Эта норма дает народам право на создание собственных государств, позволяет самостоятельно определять и устанавливать и в случае необходимости реформировать политическую систему и принципы государственного устройства в зависимости от волеизъявления народа или решения правительства. Помимо этого данная норма гарантирует сохранение культурных традиций и особенностей любого народа и запрещает другим народам осуществлять культурное насилие или проводить культурные экспансии на территорию проживания этого народа. Это так же дает народу право на создание собственных экономических институтов и проведение своей экономической и социальной политики в зависимости от поставленных проблем и существующих потребностей, остро стоящих перед народом.

При нарушении одним народом права другого народа на самоопределение это может привести или к мирному «парламентскому» сепаратизму или, что гораздо хуже, — к гражданской войне, как в случае, когда представители одной нации или религии осуществляют управление в масштабах государства представителями другой, навязывая им чуждые религиозные и культурные ценности. Итогом такой политики стала война за независимость Восточного Тимора в 1996 году.

Немного лучше, по мнению одного из современных исследователей Квебекской проблемы, Стефана Диона, обстоит дело, касающееся взаимодействия провинции Квебек и федерального правительства Канады. Хотя в данной ситуации нет

вооруженных конфликтов и стороны предпочитают решать все вопросы мирным и конституционным путем, но, тем не менее, Квебек как единственная франкоязычная провинция за 40 лет не получила никаких гарантий по сохранению экономического равноправия с федеральным правительством.

До 1966 года, когда право наций на самоопределение было впервые зафиксировано в международном законодательстве в пакте о гражданских и политических правах, первыми, кто воспользовался этим правом, оказались бывшие Африканские и Южно-Американские колонии европейских держав.

Таким образом, можно отметить, что данная законодательная норма была адаптирована только к решению вопроса по созданию этими колониями собственных государств. Что же касается стремлений к самоопределению народов, проживающих на территории суверенных государств, то в данном случае возникает другой юридический вопрос, который берет свое начало в международной законодательной базе. Помимо этого здесь возникает вопрос толерантности, иначе говоря, уважения прав народов.

Ведь стремление народа к самоопределению не возникает на пустом месте. Этому, безусловно, предшествует определенный исторический период, в ходе которого права этого народа ущемлялись в различных сферах, вне зависимости от того какой являлась эта сфера — культурной или экономической. Важно то, насколько сильным было ущемление прав. От этого в значительной степени может зависеть в дальнейшем и сам процесс самоопределения того или иного народа и то, какие методы будет применять этот народ. Будет ли это гражданская война за независимость, или решение о самоопределении будет поддержано на референдуме большинством граждан, что даст легитимную возможность для создания своего государства представителями этого народ.

К примеру, когда происходит тесное экономическое сотрудничество с другими регионами, основанное на взаимной выгоде, как это обстоит в Квебеке, и миграция рабочей силы и финансовых потоков идут без ограничений, тогда самым вероятным вариантом решения вопроса о самоопределении является переговорный процесс, который, как правило, имеет все шансы на благоприятный исход. Но нельзя сказать, что взаимоотношения Квебека и Канады протекают в довольно гладкой форме. История этих взаимоотношений, безусловно, содержит множество затруднительных моментов. Так, например, на начальном этапе существования канадского государства присутствовало и экономическое и культурное ущемление франкоканадцев со стороны федерального англоканадского правительства.

Базой экономических разногласий явилось неравномерное распределение государственных военных и промышленных заказов между различными провинциями, в ходе которого провинция Онтарио получила гораздо большее количество государственных заказов, чем находящаяся на таком же уровне помышленно-экономического развития франкоязычная провинция Квебек, а экономика, как известно, является очень важным

моментом на пути становления государства и укрепления благосостояния граждан. Таким образом, это явилось первым моментом конфронтации французской и английской элит. Дальнейшая история Канады содержит еще один пример подобной конфронтации, но уже культурного плана, что в свою очередь придает ему наибольшую остроту.

Речь идет об языковой политике федерального канадского правительства в конце XIX — го — начале XX-го вв., согласно которой в стране был установлен один государственный язык — английский, на котором и велось преподавание во всех учебных заведениях страны. Это, в свою очередь, поставило под угрозу культурное наследие франкоязычного населения страны, что могло бы привести к полному вымиранию культурных традиций франкоязычных граждан. Единственным способом противодействия подобной федеральной политике явилось выступление лидеров франкоязычных провинций против такой языковой политики и поддержка школ и учебных заведений во франкоязычных провинциях не из федерального, а из провинциального бюджетов, что способствовало сохранению культурных традиций.

Совсем по-другому обстоит дело в Восточном Тиморе: население подвергалось жесткому ограничению в правах и превращалось в людей «второго сорта». Здесь видны совершенно другие пути решения проблемы, нежели чем в Квебеке. Путь самоопределения, выбранный населением Восточного Тимора, безусловно, имеет исторические, экономические, политические и культурные корни. Одним из основных моментов можно считать экономическую составляющую. Экономика этого острова долгие годы находилась в очень плачевном состоянии, имея все возможности для экономического роста. Причиной этого явилось то, что остров долгое время находился под контролем японских властей и использовался как ресурсосырьевой придаток для японской экономики.

В 1975 году, когда Восточный Тимор перешел под контроль индонезийских властей, ситуация не только не изменилась в лучшую сторону, но и заметно ухудшилась. Тимор продолжает оставаться сырьевым придатком, и в добавок ко всему жителям острова навязываются ценности совершенно чуждой культуры. Культура Тимора начинает растворяться в индонезийской. Здесь уже на лицо не только экономическое и политическое, но и культурное притеснение, в связи с чем можно смело сделать заключение о полном отсутствии толерантности по отношению к жителям Восточного Тимора со стороны индонезийских властей. Не удивительно, что результатом подобных взаимоотношений явилась гражданская война и в итоге — создание государства Восточный Тимор.

В довершение хотелось бы отметить еще один момент, который наряду с религиозными, культурными или этническими причинами может подтолкнуть народ к реализации права на самоопределение — это стремление элит самостоятельно управлять своим народом без участия других элит. Но как бы то ни было, уникального рецепта для решения этой проблемы все же не существует, и у каждой страны и каждого народа может быть свой путь в этом вопросе.